

ДИСКУССИИ, РАЗМЫШЛЕНИЯ

В. Ф. Петренко

ВЕРНЕМ ПСИХОЛОГИИ СОЗНАНИЕ!

Целью данной во многом полемической статьи является стремление автора рассмотреть проблему сознания (история которой насчитывает, если отталкиваться от древнегреческой, индийской и китайской философии, несколько тысячелетий) в более широком контексте современной физики и семиотики. Отсутствие значимых достижений современной психологической науки в области изучения сознания требует, на наш взгляд, пересмотра как философских и методологических оснований этой проблематики, так и системы понятий, описывающих данную область. На материале измененных состояний сознания обосновывается восходящая к Гегелю трактовка сознания как вторичного восприятия в знаковой форме или, согласно представлениям о сознании Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии, как системы значений, опосредующей восприятие мира.

Ключевые слова: сознание, психосемантика, картина мира, редукция волновой функции, феномен Эйнштейна—Подольского—Розена, идея целостности, не локальность мира, эксперименты с гипнозом.

Purpose of this polemical article is author's aim to view problem of consciousness (it's history begins from the Classic Greek, Indian and Chinese philosophy, it has several thousands years history) in wide context of contemporary physics and semiotics. Lack of significant advances in contemporary psychological science in the studying of consciousness demands, in our opinion, both philosophical, methodological bases of this problem and conceptual frameworks of this area. On the material of altered states of consciousness we study interpretation of consciousness as secondary perception in a sign form (what rises up to Hegel) or interpretation consciousness as system of a meanings which is mediates world view (L. Vygotsky, A. Leontiev, A. Luria).

Key words: consciousness, psychosemantics, world view, wave function reduction, Einstein—Podolsky—Rosen phenomena, wholeness idea, non-locality of the world, experiments with hypnosis.

Петренко Виктор Федорович — докт. психол. наук, профессор, зав. лабораторией психологии общения и психосемантики ф-та психологии МГУ. *E-mail:* victor-petrenko@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 08-06-001-176а).

Не лирическое введение

«Бедная, бедная психология, сперва она утратила душу, затем психику, затем сознание и теперь испытывает тревогу по поводу поведения», — цитирует М.Г. Ярошевский (1985) одну из публикаций в Британской энциклопедии. Отечественная психология, появившись в начале двадцатого века в роли прекрасной принцессы, которой прочили великое будущее (и для которой меценатом Щукиным был построен дворец науки — нынешний Психологический институт РАО), не вписалась в последующую коллективизацию, стандартизацию и унификацию всего и каждого и оказалась золушкой среди других наук. Еще в 1950-х гг., на так называемой Павловской сессии, ставилась под сомнение необходимость самого существования такой науки и утверждалась ее сводимость к физиологии высшей нервной деятельности. Отцам-основателям факультетов психологии Московского и Ленинградского университетов пришлось практически из руин восстанавливать психологическую науку.

В этом контексте стоит отметить, что проблематика личности (как учебного курса) появилась в стенах факультета психологии Московского университета только в конце 1980-х гг., когда по инициативе А.Н. Леонтьева были разработаны две конкурирующие программы развития исследований по тематике личности. В одну из них, инициированную Б.С. Братусем, входили А.Г. Асмолов, В.А. Петровский, Е.В. Субботский, другая осуществлялась под руководством В.В. Столина при участии Е.Т. Соколовой, А.С. Спиваковской, В.Ф. Петренко, А.Г. Шмелева. Значительный толчок развитию личностной тематики дал декан А.А. Бодалев, занимавшийся проблемой межличностного восприятия, и, конечно же, эпохальное значение для отечественной психологии имел приезд Карла Роджерса и проведенные им мастер-классы. Так или иначе, но проблематика психологии личности вошла в программу курса общей психологии, и целый семестр сотрудники кафедры психологии личности, руководимой профессором А.Г. Асмоловым, читают общефакультетский курс по этой тематике.

На фоне обретения факультетом психологии личности грустно отметить вот что: читаются курсы по ощущению и восприятию, памяти, мышлению и речи, наконец, по личности, но общефакультетского курса по психологии сознания так и нет. Я читаю этот курс как факультатив, но в программе по курсу общей психологии его нет и соответственно нет семинарских занятий. А кто сказал, что проблематика ощущения, восприятия или памяти важнее проблемы сознания? Так, может быть, стоит рассмотреть этот вопрос в свете того, что по решению правительства МГУ и СПбГУ имеют право самостоятельно устанавливать учебные стандарты? Решение этого вопроса принесло бы мне только дополнительные хлопоты, но за державу-то (то бишь за родной факультет и нашу любимую науку) обидно.

К истории проблемы сознания в философии и психологии

Проблема сознания была и остается стержневой как в философии (Б. Спиноза, Р. Декарт, И. Кант, И. Фихте, Ф. Гегель, К. Маркс, А. Бергсон, Э. Мах, А. Богданов, Л. Витгенштейн, Ауробиндо, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Д. Деннетт, Дж. Серл, М. Велманс, М.К. Мамардашвили, В.А. Лекторский, В.С. Степин) и культурологи (О. Шпенглер, Р. Якобсон, М.М. Бахтин, А.Я. Гуревич), так и в психологической науке (В. Вундт, Э. Титченер, У. Джеймс, Ж. Пиаже, Г.И. Челпанов,

Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия). В философии проблема сознания выступает той связующей нитью, на которую нанизываются драгоценные философские перлы: греческая философия, буддизм, средневековая схоластика, английский эмпиризм, немецкая классическая философия, марксизм, русский православный экзистенциализм, венская логическая школа, аналитическая философия, конструктивизм.

Проблеме сознания посвящены тонны словесной руды, но удивительно мал, как любил выражаться А.Н. Леонтьев, «сухой остаток»: сознание интенционально (т.е. направлено на объект), культурно-исторически обусловлено, связано с языком и реализуется мозговым субстратом (в первую очередь неокортексом, но при участии и других структур мозга); оно — высшая форма психического отражения и саморегуляции. Сознание диалогично и выступает как автокоммуникация. Вот, пожалуй, и все краткое резюме психологического изучения сознания. Гора родила мышь. В изучении сознания исследования подменяются мнениями или мнениями о мнениях. Проблематика сознания становится самодостаточной областью, где в отсутствие специфического метода для его исследования рассуждения одних мыслителей служат питательной почвой для теоретических построений других.

Сознание — полисемантический (имеющий множество значений) термин. О сознании говорится и как о способности ощущать и чувствовать (ср.: «потерять сознание», «быть без сознания») и как о присущей человеку способности категоризировать некую информацию и вносить ее в целостную понятийную систему (тезаурус) знаний о мире — «осознавать» или «понимать». И если иметь в виду изучение сознания как исследование его содержания, то здесь имеются значительные подвижки: культурно-историческая концепция (Асмолов, 1996, 2002; Выготский, 1982—1984; Лурия, 1971); изучение исторического менталитета (Гуревич, 1972; Лотман, 2000; Тойнби, 2003; Шкурапов, 1997; Шпенглер 2009); анализ социальных представлений (Андреева, 2005; Бергер, Лукман 1995; Емельянова, 2006; Московичи, 1998); анализ обыденного сознания (Келли 2000; Петренко, 1983, 1988, 2005а, б; Петренко, Митина, 1997; Шмелев, 2002; Улыбина, 2008; Kelly, 1963). Имеются теоретические обзорные работы, посвященные сознанию (Агафонов 2003; Акопов 2006, 2007; Аллахвердов, 2000; Зинченко, 1991, 2007; Знаков, 2007 а, б; Хант, 2004; Chalmers 1995; Dennett, 1996; Searle, 1997; Velmans, 2000); отечественные теоретические работы, связывающие проблематику сознания с проблемой понимания (Знаков 2007а, б), со сценарием жизненного пути личности (Абульханова-Славская, 2009), с отбором и селекцией информации сознанием (Агафонов, 2003; Аллахвердов, 2003), с деятельностью мозга (Чуприкова, 1985). Богатый феноменологический материал измененных состояний сознания дает трансперсональная психология (Гроф, 2002; Козлов, Майков, 2004; Минделл, 2004; Тарт, 2003; Уилбер, 2004; Фрейдджер, Фейдимен, 2008; Хант, 2004), которая находится несколько в стороне от академической психологии.

Но это — проблематика содержания сознания, а его механизмы остаются во многом terra incognita. Под психологическими механизмами я понимаю нейрофизиологические процессы, изучаемые нейро-когнитивными науками. В области изучения мозга (hardware — «железа», пользуясь компьютерной метафорой) с изобретением томографии и подобных технологий дела идут более или менее успешно и исследования ведутся широким фронтом. Я говорю именно

о психологических механизмах (в рамках компьютерной метафоры, software — программное обеспечение). Подобное познается подобным. А применительно к изучению психологических механизмов сознания помимо теории деятельности А.Н. Леонтьева (1975) да падежной грамматики Ч. Филмора (1981) отсутствует даже понятийный аппарат для описания структуры и феноменологии сознания. Причину этого «психологического застоя», по крайней мере для отечественной психологии (да и для западной вследствие влияния бихевиоризма с его стимульно-реактивной парадигмой, выводящей сознание за рамки психологии), я вижу в инерции старых методологических установок, сводящих сознание к простой функции копирования (отражения) так называемой «объективной» (т.е. существующей независимо от наблюдателя) реальности. В западной философии эти методологические установки выступают под именем «корреспондентной теории истины», (см.: Касавин, 2001), а в отечественной — под именем «теории отражения».

Критика этих методологических установок была мною дана в ряде статей по конструктивизму (Петренко, 2002, 2005а, 2008). Здесь только отмечу: то, с чем имеет дело человеческое сознание (так называемая «объективная действительность»), является сложным концептом, включающим в себя знаковые, языковые конструкты, ценностные установки, превращенные формы культурно-специфических форм мышления и т.п. В той модели мира, которую житейское сознание, наивный реализм или ортодоксальный материализм склонны рассматривать как объективную реальность, имплицитно присутствуют и особенности самого этого сознания, конструирующего модель. Поэтому надо отказаться от представления о предмете познания, существующем независимо от сознания познающего, и перейти к иной системе понятий, включающей позицию наблюдателя, его систему отсчета, его систему категорий. «Нельзя вливать молодое вино в старые мехи...». Так и решение старых «вечных проблем», к которым относится тематика сознания, требует обновления всей системы понятий, всего понятийного тезауруса, на языке которого описывается эта проблематика. На смену изживающих себя понятий «объективная действительность», «социальная реальность» приходят такие новые понятия, как введенный Э. Гуссерлем «жизненный мир» (Василюк, 1984, 1995; Рубинштейн, 1997), «возможные миры» (Асмолов, 1996; Хинтиikka, 1980), «ментальные пространства» (Величковский, 2006), семантические пространства (Келли, 2000; Осгуд и др., 1972; Петренко, 2005б; Супрун и др., 2007; Шмелев, 2002), «смысловые миры личности» (Петровский, 2008), где позиция пристрастного, обладающего системой ценностей и личностным смыслом субъекта включена в саму психологическую онтологию.

На данном этапе своего развития психологическая наука как никогда нуждается в методологическом переосмыслении своих основ, в выдвижении кардинально новых моделей и гипотез. И это в первую очередь касается проблемы сознания. Системный, целостный характер самого объекта изучения (сознания) делает малопродуктивным путь его эмпирически-поэтапного познания. Мы с помощью слов (терминов) расчлняем единое сознание, «множим сущее без нужды», нарушая принцип «бритвы Оккама», а затем ищем корреляции этих псевдосущностей (ощущения, восприятия, мышления, памяти и т.п.). Возникают «теоретические» вопросы типа: как сознание связано с мышлением (или вниманием)? Научное развитие этой области, на мой взгляд, нуждается не в

верификации отдельных эмпирических фактов, а в «восхождении от абстрактного к конкретному» (Гегель, 1997; Давыдов, 1972) и в проверке следствий, вытекающих из теоретических построений. Чтобы охватить целостность изучаемой сверхсложной реалии, неизбежно приходится заниматься теоретическими спекуляциями и использовать метафорический язык. Мне кажется правомочным задавать наивные вопросы и выдвигать шокирующие гипотезы.

Как-то на семинаре физиков-атомщиков в Нью-Йорке Нильс Бор, заслушав доклад молодого ученого, сказал: «Конечно, это безумная теория. Но достаточно ли она безумная, что бы быть верной?» Когда читаешь труды физиков, изучающих космологию или квантовую физику, то удивляешься их интеллектуальной раскрепощенности и смелости, а также метафоричности их языка. «Черные дыры» и «кротовые норы», «темная материя», «кварки» и «теория струн»; «симметрия» и «цветность» элементарных частиц, их «аромат» и «странность» и т.п. Психологи же ведущего сейчас поколения, в массе своей опасливо оглядывающиеся на прежнюю идеологию, выглядят в сопоставлении с физиками благонамеренными обывателями, придерживающимися устоявшихся взглядов.

При понимании жизненного мира как означенного и осмысленного пространства бытия человека сознанию отводится конструктивно-порождающая роль. Оно рассматривается не как копирующая одномерная «прокладка» между субъектом и действительностью, а как сложнейшая (пожалуй, самая сложная из всех рассматриваемых наукой систем) многомерная и многоуровневая, открытая, эволюционирующая система, порождающая новые смысловые семиотические миры. Сознание — «космический странник», оно находится на острие творческой эволюции Вселенной. Не исключено, что человеческое сознание встроено в пласты более высоких уровней сознания, и мы способны улавливать отблески космического разума. В конце концов, если оценивать по космическим масштабам, то человеческой цивилизации нет и дня отроду. Вселенная же существует и эволюционирует миллиарды лет.

Когда я читаю студентам лекции по проблемам сознания, то напоминаю один впечатляющий факт: наш организм содержит атомы углерода и металлов, которых нет в плазме Солнца (там только водород и гелий). Все элементы тяжелее водорода — продукт взрыва сверхновых звезд, когда, выгорая, они коллапсируют и сжимаются до объема немыслимой плотности и состояний сверхвысоких температур, а затем взрываются, выбрасывая в космос преобразованную материю. Планеты нашей солнечной системы возникли из этой звездной пыли. В нашем сердце стучит пепел погасших звезд. Но, может быть, мы наследники эволюционирующей Вселенной не только в материальном плане? Гипотеза о предшествующих формах существования жизни и разума не менее корректна, чем гипотеза об уникальности и единичности земной жизни и цивилизации. Так, применительно к проблеме возникновения жизни существует гипотеза «панспермии» (Пойгенс — см.: Аксенов, 2001; Вернадский, 1978; Крик, 2002; Панов, 2007), согласно которой эстафета передачи жизни в виде молекулярных структур, на базе которых возникают ее простейшие формы, осуществляется посредством странствующих космических тел (комет, метеоров). Сознание, понимаемое широко как способность ощущать, переживать, чувствовать, т.е. как качество, в той или иной степени присущее всем живым существам, также может быть рассмотрено как имеющее космическое происхождение. В своих фо-

новых формах оно может выступать «камертоном» Вселенной, эволюционируя в земных условиях к уровню связанного с языком человеческого сознания. Если верна гипотеза о предсуществовании сознания, то «братьев по разуму» можно искать, не только запуская в космос радиозонды и телескопы, но и медитируя, направляя мысленный взгляд в глубь собственного сознания, обращаясь к архетипам коллективного, а может, и космического бессознательного. Собственно этим и занимались адепты буддизма, индуизма, практики суфизма и исихазма. Разница только в концептах, в которых они обосновывали «многообразие религиозного опыта» (в терминологии У. Джеймса). Практика науки здесь сближается с практикой религии, и история религии проникается опытом «пиковых» состояний сознания (см.: Маслоу, 2008; Фрейджер, Фейдимен, 2008; Slitz et al., 2007), на научное осмысление которых выходит психология. «Не следует ли нам предположить — пишет В. Франкл (2008, с. 42), — что над человеческим миром, в свою очередь, расположен превосходящий и недоступный человеку мир, смысл, точнее, «сверхсмысл» которого только и может придать смысл всему человеческому страданию? Человек может постичь сверхмир не больше, чем животное из своей среды может понять более широкий человеческий мир. Он, однако, может уловить его в предчувствии — в вере».

Представление о предсуществовании космического сознания содержится в индуизме. Индивидуальное сознание (Атман) является частью (искрой Божией) целостного океана космического сознания (Брахмана), с которым сливается после смерти. В рамках этих представлений единое интегральное сознание предшествует индивидуальному. Интегральное выступает как некоторый базисный фон, как «несущая волна», на основе которой моделируется более дифференцированное индивидуальное сознание. У. Джеймс (1997) сравнивал взаимосвязь индивидуальных сознаний с образом корней деревьев, переплетающихся в подземной тьме, или с дном океана, который соединяет острова друг с другом. Он писал, что подобным же образом существует и континуум космического сознания, в которое как в материальное море погружены наши разделенные умы. Индивидуальное сознание ограничено, по-видимому, из-за возможной перегрузки и нервных срывов при адаптации к окружению. Самосознание, механизмы самоидентичности при таком понимании отсекают, ограничивают индивида от чужого сознания, чужих переживаний (иногда прорывающихся, возможно, в феноменах телепатии, дежа вю, синергий, синхроничности). На такую трактовку интегрального сознания также хорошо ложится гипотеза Б.Ф. Поршнева (1971) о причине возникновения многообразия естественных языков как следствии контрсуггестии, вызванной необходимостью отделиться барьером собственного языка от чужеродных влияний.

К методологии психологии сознания

Как старая телега — медленно и со скрипом — отечественная психология разворачивается на дорогу новой постнеклассической методологии (Лекторский, 2001; Микешина, 2008; Степин, 2000, 2003), предусматривающей включение субъекта познания (индивида, научного сообщества, всего общества в целом) через его систему ценностей, мотивов, познавательного инструментария, языка и (добавлю крамольное суждение относительно трудно операционализируемого параметра) — через уровень его собственной энергии — в построение

образа, модели или картины мира, которую классическая наука рассматривает как собственно онтологию.

В классической науке, методология которой восходит к Галилею, Ньютону, Бэкону, позиция наблюдателя выводится за рамки научной фактологии. Представляется очевидной бессмыслицей включать в расчеты кинематики и механики эмоционально-мотивационное состояние наблюдателя или предполагать различие физических законов для разных языков исследователей. В рамках классической науки утвердилось понятие независимой от субъекта познания «объективной действительности», «социальной реальности», которые и должны быть объектом изучения в естественных и гуманитарных науках.

Идеалом классической науки может выступать лапласовский детерминизм, где, исходя из знания физических законов и определенных на данный момент времени координат направления вектора движения атомов (понимаемых как механические тела) и их энергии (импульса), можно высчитать как все последующие, так и предыдущие состояния Вселенной и тем самым описать будущее и прошлое на любую временную глубину. Чудо как физически не детерминированное событие или возможность что-либо изменить в этом мире вне физических действий (например, через обращение в молитве к Богу и его последующее вмешательство в ход событий) в рамках классической науки не допускается. И вполне логичным является ответ Пьера-Симона Лапласа на вопрос Наполеона Бонапарта о месте Бога в лапласовской космологии: «Сир, я не нуждаюсь в этой гипотезе».

Благодаря классической науке с ее методологией рациональности и детерминизма европейская христианская цивилизация, а затем и весь остальной мир, свершили промышленную революцию, значительно увеличили как число обитателей земного шара, так и общую продолжительность жизни населения, дав ему невиданный до того уровень и комфорт. В гуманитарной области рационализм предлагал построение общества, основанного на разуме, где действуют объективные социальные законы, следование которым гарантирует успешность развития и процветание общества, и где свобода понимается «как осознанная необходимость» следования этим объективным законам. В отечественной психологической науке, также согласно классическим воззрениям, утверждалось положение, что «вся история психологии есть борьба за детерминизм» (Петровский, Ярошевский, 1994) и задача любой науки (в том числе психологии) — изучать то, что «существует на самом деле» (Аллахвердов, 2005). Отметим, что детерминистические модели классической науки оказались весьма успешными в изучении определенных областей психического (психофизики, процессов восприятия, отчасти памяти), но гораздо менее успешными в области психологии мышления (т.е. при изучении процессов, связанных с интериоризацией — усвоением перцептивных эталонов, стереотипов, когнитивных схем и т.п.). Это было достигнуто ценой фактического отказа от научного рассмотрения таких феноменов человеческой психики, как воля, фантазия, творчество, которые выпадали из парадигмы детерминизма.

Познание того, что существует «на самом деле», отводит сознанию только роль более или менее успешного копировальщика, отражающего «объективную реальность». Не случайно, что в речах политиков и в массовом сознании населения про психологию вспоминают только в контексте объяснения неких социальных или личностных аномалий и отводят ей роль некоего субъективного

фактора, искажающего действие «объективных социальных законов». Согласно «ленинской теории отражения» и «корреспондентной теории истины», наши познавательные конструкции соответствуют (т.е. корреспондируют) самой действительности, существующей независимо от познающего субъекта. Таково «наивного реализма» придерживается большая часть человечества, да и, по мнению Х. Патнэма (2002), большинство неискушенных в философии ученых.

Но есть ли вообще эта «объективная реальность», существующая независимо от познающего субъекта? Еще Дж. Локк в XVII в. ввел понятие первичных и вторичных качеств. Мы воспринимаем сахар сладким и белым. Но белизна и сладость — вторичные качества, обусловленные наличием специфических рецепторов наших органов чувств. Мир наполнен красками, звуками, запахами, но все эти качества производны от органов восприятия субъекта. Физика «не знает» красного, а описывает электромагнитные волны определенной длины (частоты), которые при воздействии на сетчатку глаза человека вызывают соответствующее ощущение. Физика «не знает» ни звуков, ни запахов, а описывает соответствующие процессы как колебание воздуха или распространение частиц вещества. Епископ Беркли при обосновании бытия Божьего использовал в качестве аргумента его существования необходимость в ком-то, кто поддерживает многообразие красок мира в то время, когда спит человек. А современный психолог Р. Грегори (1970), продолжая эту мысль, нарисовал парадоксальную картину состояния Земли до появления на ней жизни. Земная кора еще не остыла. Вулканы исторгают из своего чрева огромные куски материи. Они взлетают вверх и низвергаются... Привычно было бы написать «с грохотом», но все это происходит в полной тишине, ибо нет существа, способного это слышать. (Студенты на лекции добавили, что все это происходит в полной темноте, ибо нет и существа, способного это видеть.) Но по большому счету мы вообще не можем нарисовать какую-либо картину прошлого, не включив в нее потенциального наблюдателя. «Быть — значит быть наблюдаемым», полагал епископ Беркли.

От первичных качеств, выделяемых Джоном Локком, у Иммануила Канта осталось только два — протяженность (пространство) и длительность (время), — но и то не как характеристики объекта, а как априорные категории сознания субъекта. Тем не менее классическая физика (в частности, в форме мирового эфира) сохраняла представление о времени и пространстве как объективных, т.е. независимых от наблюдателя, первичных качествах действительности. Однако с созданием теории относительности Альберта Эйнштейна рухнул и этот бастион объективности (см.: Борн, 2000). Оказалось, что размер наблюдаемого объекта зависит от скорости его движения по отношению к системе отсчета, в которой находится наблюдатель. И чем ближе скорость объекта к скорости света, тем короче объект (или эталонный метр) становится для наблюдателя (измерителя). Время также оказалось не абсолютной, а зависимой от наблюдателя величиной. Более того, сама последовательность двух событий на временной оси (временная ось — понятие классической физики) оказалось инвертируемой, и для разных наблюдателей временная последовательность двух событий может быть диаметрально противоположной в зависимости от их позиций. Эти феномены, нарушающие картину привычного, стабильного, «классического» мира, проявляются в пространствах космических масштабов при огромных энергиях и скоростях. Но и микромир субатомных (бесконечно малых) величин по мере его постижения выявил не меньшие парадоксы, выбивающие почву из-под ног у

наивного реалиста, верящего в «объективную действительность», независимую от субъекта познания.

В начале прошлого века физики дискутировали, является ли микрочастица (например, электрон) частицей или волной. В пользу частицы говорил, в частности, описанный Эйнштейном фотоэффект: попадание света на поверхность металла вызывало появление электрического тока в дискретных (квантовых) порциях. В пользу волны свидетельствовали эффекты дифракции: поток микрочастиц (например, электронов), проходя через ряд отверстий в преграде (дифракционную решетку), образовывал картину наложения волн (так называемую интерференционную картину). На основе интерференционных картин с помощью лазерного излучения в дальнейшем стало возможно создавать голографические фотографии, а затем на основе этой метафоры была выдвинута голографическая модель памяти (Прибрам, 1980; Талбот, 2008). Дискуссия о природе микрочастиц была прекращена тогда, когда Э. Шредингер опубликовал свое известное уравнение, описывающее положение электрона в пространстве как плотность вероятности его распределения в том или ином месте пространства. Таким образом, вместо четкой локализации исследуемой микрочастицы предлагалась вероятность ее появления в той или иной области пространства, а сама частица (или волна) выступала своеобразным кентаврическим образованием, обладающим свойствами как волны, так и частицы. Значит, основание нашего материального мира покоится на «зыбкой», вероятностной основе. Например, конкретное время распада единичного атома радиоактивного вещества принципиально непредсказуемо в широком временном диапазоне, тем не менее, можно точно определить (срабатывает вероятностная модель) временной период полураспада (половины массы) этого вещества. То есть от мира классической науки с жестким детерминизмом относительно проявления и предсказания единичного события атомная физика перешла к изучению закономерностей течения процессов для больших ансамблей однородных элементов или же к вероятностным моделям состояний единичного объекта (частицы). При этом позиция наблюдателя в рамках квантовой физики оказалась позицией соучастника самих процессов. «Если ограничиться очень краткой формулировкой, то особенность квантовой механики (точнее, квантовой физики, включая релятивистскую), отличающая ее от всей остальной физики, состоит в том, что процесс измерения в ней не удается представить как вполне объективный, абсолютно не зависящий от наблюдателя, воспринимающего результат этих измерений. Еще упрощая, скажем, что при описании квантовых измерений (по крайней мере, при попытках сделать такое описание логически полным, замкнутым) приходится вводить в это описание не только измеряемую систему и прибор, но и наблюдателя, точнее, его сознание, в котором фиксируется результат измерения» (Менский, 2005, с. 414).

Поясним эту мысль на примере так называемой редукции волновой функции, связанной с переходом от потенциально возможных траекторий частицы (еще не ставшего бытия, на языке философии буддизма), заданных вероятностно, к конкретной реализации в виде конечной координаты. Как пишет выдающийся физик, лауреат Нобелевской премии В.Л. Гинзбург (2005, с. 414): «...В известном дифракционном опыте электрон проходит через щели и затем на экране (фотопластинке) появляется “точка”, т.е. становится известно, куда попал электрон. Появление “точки” есть, очевидно, результат взаимодей-

ствия падающего электрона с материалом фотопластинки. Главная особенность квантовой механики заключается в том, что она предсказывает, вообще говоря, лишь вероятностные события. Конкретно в дифракционном опыте квантовая механика предсказывает распределение «точек» на экране или вероятность попадания электрона (т.е. появление «точки» в любом месте экрана). Такая ситуация является отражением корпускулярно-волнового дуализма, т.е. того факта, что электрон (или, конечно, какая-нибудь другая микрочастица) — это не «материальная точка» классической физики, движущаяся по какой-то определенной траектории. Если описывать состояние электрона после его взаимодействия с атомами в фотопластинке с помощью волновой функции, то это функция будет, очевидно, отлична от первоначальной и, скажем, локализована в «точке» на экране. Это и называют обычно редукцией волновой функции».

Одна из особенностей квантового измерения состоит в том, что квантовую систему невозможно измерить, т.е. получить какую-либо информацию о ней, не возмущив при этом ее состояния, причем тем сильнее, чем больше информации извлекается при измерении. Из так называемой теоремы Бела и опытов Аспекта на материале феноменов эксперимента Эйнштейна—Подольского—Розена (содержание которых мы рассмотрим ниже) следует: «неверным оказывается привычное (и обязательное в классической физике) представление о том, что свойства, наблюдаемые при измерении, реально существуют еще до измерения, а измерение лишь ликвидирует наше незнание того, какое именно свойство имеет место. При квантовых измерениях (т.е. при достаточно точных измерениях квантовых систем) это не так: свойства, обнаруженные при измерении, могут вообще не существовать до измерения» (Менский, 2005, с. 418). «Обычное для классической физики понимание реальности, которая познается при измерениях, не имеет места в квантовой физике. В некотором смысле при квантовом измерении реальность творится, а не просто познается! По сути дела это означает, что классическое понимание реальности вообще никогда не бывает правильным, хотя в некоторых случаях при достаточно грубых измерениях классическое понимание реальности не приводит к заметным ошибкам, т.е. является довольно хорошим приближением» (там же, с. 419).

Фундаментальной особенностью мира, описываемого квантовой физикой, является его целостность и взаимосвязанность, выходящая за рамки классического детерминизма. «Чем глубже мы проникаем в субмикромир, — пишет Ф. Капра (2008 с. 30), — тем больше убеждаемся в том, что современный физик, как и восточный мистик, должен рассматривать мир как систему, состоящую из неделимых взаимодействующих и пребывающих в непрерывном движении компонентов, причем неотъемлемой частью этой системы является и сам наблюдатель». Эту идею целостности и взаимосвязи единого мира можно проиллюстрировать на примере упомянутого выше феномена Эйнштейна—Подольского—Розена, заключающегося в том, что характеристики пары частиц, возникших при распаде одной частицы и разнесенных в пространстве на любое расстояние, при принципиально не определенных измерениях их состояний взаимосвязаны таким образом, что определение направления спина одной из частиц приводит к тому, что синхронично спин другой частицы оказывается противоположным по направленности. Подчеркнем: вне зависимости от расстояния между этими частицами! Таким образом, феномен Эйнштейна—Подольского—Розена нарушает физический принцип локальности (и причин-

ности), согласно которому события, происходящие в одной части вселенной, не могут непосредственно влиять на события в другой ее части. «Коль скоро квантовая сцепленность не разрушается, мы, строго говоря, не можем полагать отдельным и независимым ни один объект во вселенной. Складывающееся в результате в физической теории положение дел представляется мне весьма далеким от удовлетворительного. Никто не может по-настоящему объяснить, не выходя за рамки стандартной теории,... почему нам вовсе не обязательно представлять вселенную в виде единого целого, этого невероятно сложного спутанного клубка, не имеющего ничего общего с тем классическим с виду миром, который мы наблюдаем» (Пенроуз, 2008, с. 464). Эйнштейн выразил проблему целостности и взаимосвязанности вселенной в метафорически гротескном вопросе: влияет ли на вселенную, на процессы космогенеза то, что на нее смотрит мышь? Представление о целостности вселенной, являющейся одной большой системой, где событие, происшедшее в одной ее части, может повлиять (не в плане классической причинности, а как одновременный синхронный отклик) на происходящее в другой ее части, дает намек на возможные принципы, лежащие в основе механизмов таких загадочных психологических феноменов, как телепатия, ясновидение (Богданов, 2002), феномен синхронии (Юнг, 1997).

Известный физик и математик Роджер Пенроуз (2008) в получившей мировое признание книге «Новый мир короля. О компьютерах, мышлении и законах физики» описывает исследования американского ученого Стюарта Хамероффа (Hameroff, 1987) о возможности вычислений, происходящих в микротрубочках цитоскелета клетки. По мнению Р. Пенроуза феномен сознания тесно связан с физическими процессами, происходящими на квантовом уровне и реализуемыми этими самыми микротрубочками, которые на микроскопическом уровне выступают как «клеточные автоматы». Выдающийся физик Р. Фейман в свое время доказал, что гамилтоновы «клеточные автоматы», под характеристики которых подпадают микротрубочки С. Хамероффа, могут осуществлять вычисления любой сложности (см.: Малинецкий, 2008). Но важно подчеркнуть, что Пенроуз не сводит сознание к вычислительным процедурам, а объясняет неопределенность и спонтанность, исследовавшуюся в виде феномена инсайта в гештальтпсихологии, через редукцию волновой функции, осуществляемую микротрубочками Хамероффа. Будущее науки покажет верность или ошибочность поиска физических коррелятов сознания в функционировании клеточных цитоскелетов. Вполне возможно, что представлениям Хамероффа и Пенроуза уготована судьба «животных духов» Рене Декарта (бегаящих в его модели рефлекса по полым нервам и осуществляющих передачу команд от мозга к эфферентным органам), и они останутся в истории науки о сознании как пример мифотворчества. Но в любом случае: как модель Декарта задала правильную научную парадигму, где современная наука только заменила «животных духов» на электрические импульсы-спайки, так и соображения Пенроуза о квантовой природе физических коррелятов сознания и феномене редукции волновой функции как механизме спонтанности и произвольности останутся базовой парадигмой представлений о физических основаниях механизма сознания.

Проблема редукции волновой функции (т.е. сведение множества потенциальных состояний к одному-единственному) не имеет объяснения непосредственно в квантовой физике, а представляет собой констатацию некой непосредственной данности, аналогичной, например, тому, почему существуют

гравитационные силы или слабые взаимодействия частиц. Такова природа мироздания. По мнению достаточно большого количества физиков (ДеВитт, Уиллер), объяснение механизма редукции лежит вне пределов квантовой физики. Одну из версий, прямо затрагивающую психологическую науку, предложил Г. Эверетт (Everett, 1983). Сам Эверетт называл ее интерпретацией квантовой механики, основанной на понятии относительного состояния (relative state interpretation), однако после работ Уиллера и ДеВитта ее стали называть многомировой интерпретацией (Many-worlds interpretation). Это название связано с тем, что концепция Эверетта допускает существование множества классических реальностей или миров, производных от состояний сознания наблюдателя (см.: Менчио Каку, 2008). Проблему объяснения редукции волновой функции как перехода от потенциальной множественности возможных состояний (траекторий) к конкретному значению из совокупности рассматриваемых Эверетт видит во влиянии сознания наблюдателя (интерпретатора), которое и осуществляет переход от потенциальной реальности, описываемой волновой функцией, к одному из возможных «классических миров». Каждый классический мир (мир классической физики) представляет собой лишь одну проекцию квантового мира. «Эти различные проекции создаются сознанием наблюдателя, тогда как сам квантовый мир (на мой взгляд, что-то вроде кантовской «вещи-в-себе». — В.П.) существует независимо от какого бы то ни было наблюдателя» (Менский, 2005, с. 424).

Представление о сознании как факторе, осуществляющем переход от множественности потенциальных возможностей еще «не ставшего бытия» к непосредственно наблюдаемой реальности, предложенное в квантовой физике Эвертом, Пенроузом и Менским, может быть генерализовано и на проблематику психологической науки и применено к человеческой жизни и судьбе, где статус реальности бытия достигается только после категоризации и интерпретации. А поскольку как жизнь, так и ее интерпретация непрерывны, подчас малопредсказуемы и противоречивы, то осмысленный целостный рассказ о судьбе личности (нарратив) возможен только после смерти ее прототипа¹. Пока мы живы, судьба непрерывно поставляет нам новые встречи, варианты разных сюжетов, минимальное число из возможных вариантов которых мы проживаем. Наша жизнь, как полагает писатель А. Моруа, сплошные обрывки завязок сюжетов без развязок, кульминаций без окончания, неоконченных или даже не начатых романов. Но, тем не менее, жизнь не нагромождение случайных событий по типу броуновского движения в мире хаоса. Обладая свободой воли и сознанием, человек отчасти сам конструирует свое жизненное пространство, выбирая друзей и врагов, профессию и место жительства, круг интересов и форм само-

¹ Не могу не привести интересную для психолога цитату. «Как пишет Плиний Старший (23—79 гг.) в *Historia naturalis*, люди в огромном большинстве суетливы и легковерны, изобретательны на средства самообмана, вроде фракийцев, которые кладут в урну камешки, различающиеся по цвету, сообразно удаче или неудаче на каждый день, а в момент смерти подводят итог, делают подсчеты, вычисляя, какого цвета камешков было больше, и отсюда выводят общее заключение. Есть ли смысл в таком занятии? Кто знает, не был ли вот этот день, отмеченный белым камешком, началом несчастья для человека?.. Надо же когда-нибудь образумиться, надо сообразить, что о каждом дне можно судить только по следующему дню, а о всех прожитых днях может произнести приговор только последний из них» (цит. по: Трубников, 1987, с. 46).

реализации, область духовных поисков и веры. Как в модели ветвящихся цепей Маркова, каждый выбор в точке бифуркации того или иного жизненного пути изменяет наше жизненное пространство (жизненный мир), ведет к тому, что миром, судьбой или Богом нам предлагаются новые потенциальные возможности, присущие именно данному жизненному миру. Говорят, от тюрьмы и от сумы не зарекайся, но тем не менее вероятность такого жизненного сценария выше, скажем, для криминального авторитета или диссидента-правозащитника, чем для благонамеренного обывателя. Сознание, осуществляя непрерывный выбор из потенциально возможных вариантов, способно создавать цепочки маловероятных событий, ведущих к результатам, вероятность которых ничтожна, и как следствию этого — к образованию сложных негоэнтропийных систем. В этом плане сознание выступает как функциональный орган свободы и творчества.

Для реализации негоэнтропийных процессов требуется энергия, и творческий процесс возможен только при достаточно высоких энергетических уровнях сознания. Что такое психологическая энергия? Это особый, чрезвычайно важный и мало разработанный вопрос (Юнг, 2008). Тем не менее исследователи выстраивают уровни сознания исходя из степени активации ретикулярной формации. Акцентируя значимость энергетического аспекта, В.В. Козлов (2005, с. 7) называет сознание «активным, открытым пространством энергии, которое наполняет реальность смыслом, отношением и переживанием». В.А. Богданов пишет, что помимо людей, обладающих высокой психической энергией, «наблюдения зафиксировали также психотип людей с высокой чувствительностью к экстраординарным событиям (“ходячие сейсмографы”), хотя сами они сильной пси-энергией могут и не обладать. В этот ряд укладывается и известный психологам тип людей, “сгушающих” вероятность несчастных случаев и аварий вокруг себя. Последние события воспринимаются как вполне естественные, и только специальный анализ может выявить их синхроничность» (Богданов, 2002, с. 43).

Жизненный мир как форма бытия человека

Люди, находящиеся в различных жизненных мирах, могут пересекаться и взаимодействовать только отчасти. Мерность жизненного мира, размерность смыслового пространства одного человека может значительно превосходить когнитивную сложность другого, и духовные реалии первого могут просто не существовать для второго, хотя они могут взаимодействовать как физические тела (столкнувшись друг с другом), как биологические организмы (передав друг другу, скажем, вирусы гриппа), как социальные существа, реализующие социальные роли (например, продавца и покупателя), и т.п. Жизненный мир как категория человеческого бытия включает и понятие психологического времени. Это иллюзия, что мы живем в едином пространстве-времени. «Ни год, ни месяц, ни час, ни секунда одного человека никогда не равны году, месяцу, часу, секунде другого, если это реальное время, как не равны начало и конец, час человеческой молодости и час человеческой старости. Это всегда разное, по-разному связанное и по-разному определенное и распределенное время, по-разному наполненное и по-разному опустошенное» (Трубников, 1987, с. 21).

Еще разительнее отличаются жизненные пространства животного и человека. Животное погружено в непосредственную окружающую природ-

ную экосистему и если это стадное животное, то в свою «социальную» среду. Временная глубина индивидуальной памяти животного весьма ограничена (оно не рефлексивует свое прошлое и не предвидит будущее). Животное — раб настоящего и существует «здесь и сейчас». Но я все же не сторонник объяснять поведение животного врожденными рефлексивами. Это понятие физиологии высшей нервной деятельности, объясняющее на уровне физиологического субстрата механизмы поведения. Если мы остоаемся в рамках психологии (или зоопсихологии), то должны понять (прочувствовать) «сознание», «картину мира» животного — эмоциональные состояния, психологические установки (можно даже сказать — «архетипы коллективного бессознательного»), присущие тому или иному биологическому виду, которые стимулируют животное поступать так или иначе.

Человек за счет языка, письменности, знаковых репрезентаций, кино, телевидения, Интернета чрезвычайно расширяет свой жизненный мир. Как пишет А.Р. Лурия в книге «Язык и сознание», за счет языка мир удваивается. «С помощью языка, который обозначает предметы, он может иметь дело с предметами, которые непосредственно не воспринимаются и которые не входят в состав его собственного опыта. ... Человек имеет двойной мир, в который входит и мир непосредственно отражаемых предметов, и мир образов, объектов, отношений и качеств, которые обозначаются словами. ... Человек может произвольно называть эти образы независимо от их реального наличия... может произвольно управлять этим вторым миром» (Лурия, 1979, с. 37). При этом «разные языки — это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения его», — полагает В. Гумбольдт (1984, с. 9), вводя в этом контексте важное понятие языкового сознания народа. Позицию В. Гумбольдта разделяет видный лингвист И.А. Бодуэн де Куртенэ (1963), соглашаясь с его мнением, что «каждый язык есть своеобразное мировидение». В дальнейшем эти идеи вылились в теорию лингвистической относительности Сэпира—Уорфа (см.: Брутян, 1973; Васильев, 1974; Коул, Скрибнер, 1977; Слобин, Грин, 1976). Можно сказать, что у людей, говорящих на одном языке, есть определенные инварианты мировосприятия, инварианты форм категоризации мира, себя и других людей, хотя системы ценностей этих людей могут сильно различаться.

Разные языки создают разные жизненные миры множества культур, но работами Джорджа Келли (2000) и его последователей убедительно показано, что помимо национально специфических форм категоризации существуют и индивидуальные формы категоризации в виде «личностных конструктов», которые специфицируют сознание индивида и его жизненный мир. Близкие представления об опосредующей роли значения при восприятии и осознании мира развивали Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия. Их работы хорошо известны отечественному психологу. И я хочу в контексте проблемы построения жизненного мира акцентировать здесь только одно из фундаментальных исследований А.Н. Леонтьева (1972) о так называемой кожной чувствительности. Леонтьев показал, что ранее не ощущаемый (ощущение я трактую как одну из форм сознания, присущую как животным, так и человеку. — *В.П.*), биологически нейтральный, или, как его называет Леонтьев, абиотический раздражитель (в исследовании Леонтьева свет, подающий на ладонь испытуемого и не ощущаемый им) начинает вызывать ощущения («как будто бабочка коснулась крыльями»), если он несет для испытуемого сигнальную функцию.

Такой сигнальной функцией в эксперименте Леонтьева являлось то, что световой стимул предшествовал по времени удару электрическим током. Испытуемый, ощутив воздействие, мог отдернуть руку, избежав болевого удара. Важнейшим теоретическим и методологическим результатом данного исследования явилось положение о том, что субъективная представленность раздражителя (света) и активность самого субъекта воздействия (знание испытуемым о том, что удару тока предшествует некое воздействие, и удара можно избежать, почувствовав это воздействие и отдернув руку) является необходимым условием образования условного рефлекса. В 1950-е гг. эксперимент А.Н. Леонтьева имел огромное методологическое значение в споре с физиологами, изучающими высшую нервную деятельность, как доказательство не эпифеноменальности сознания. Ведь, как показали опыты Леонтьева, само образование их базового объекта изучения — условного рефлекса необходимо требует субъективного переживания стимула, его феноменальной представленности субъекту². Эксперименты А.Н. Леонтьева имеют важное следствие и в аспекте построения образа мира. Нейтральные абиотические раздражители, не несущие сигнальную функцию, организмом просто не воспринимаются и соответственно не входят в картину мира субъекта. Жизненный мир животного ограничен его потребностями, но он тем сложнее, чем более многообразна, сложна его жизнедеятельность.

Человеческий жизненный мир помимо природного окружения включает в себя и виртуальный мир человеческой культуры, опосредованной языковым сознанием. И.П. Павлов писал о первой и второй сигнальных системах, Л.С. Выготский в своих ранних работах трактовал сознание как «рефлекс рефлексов». Критика этих представлений заключается в первую очередь в том, что в представлении сигнала (у Павлова) или знака как орудия (у Выготского) делается акцент на самом сигнале или теле знака (его плане выражения, в терминах Ф. де Соссюра), тогда как в более поздних работах Выготского показана опосредующая роль значения (плана содержания, в терминах Ф. де Соссюра). Значения же существуют в системе отношений с другими значениями и активируют всю целостную систему сознания человека. Говорить о знаке как единичном стимуле не совсем корректно, и термин «рефлекс», даже в его психологической трактовке, содержательно слишком узок. Но в упомянутых выше экспериментально-теоретических разработках И.П. Павлова и Л.С. Выготского содержится важная идея уровневости сознания: наличие первой и второй сигнальных систем у Павлова (1951) и натуральных и высших психических функций у Выготского (2005). При этом оба автора характеризуют второй уровень сознания как связанный с языком, с языковыми значениями.

В наших совместных исследованиях с В.В. Кучеренко был открыт интересный феномен генерализации «запрета видеть объект» на другие объекты, семантически связанные с запретным. Испытуемым, находившимся в третьей стадии гипноза (когда человек может с открытыми глазами перемещаться по комнате и разговаривать не выходя из гипнотического транса), давалась команда-внушение, что, выйдя из гипноза, они не будут помнить ничего с ними происходившего, но при этом не будут видеть некий «запрещенный» объект (в

² Другое дело, что существует феномен подпороговой суммации стимула, но и в случае суммации слабых раздражителей субъективная представленность рано или поздно проявляется как в переживании, так и в поведении.

наших исследованиях таким объектом были сигареты). После выхода из транса испытуемый на просьбу экспериментатора назвать лежащие на столе предметы не только «не видел» сигареты, но и не замечал полную окурков пепельницу, спички или зажигалку. В последнем случае испытуемый мог видеть зажигалку и вертеть ее в руках, говоря: «какой-то цилиндр, наверное, тубик от валидола». Т.е. в некоторых случаях испытуемый видел зажигалку, но забывал ее предметную функцию, связанную с курением. Мы берем слова «не видит» в кавычки, так как если запрещенный предмет был достаточно громоздким (как, например, лыжи в одной из серий), то испытуемый, перечисляя предметы, лежащие на столе, обходил торчащие из-за стола концы лыж. На просьбу экспериментатора описать запрещенный объект, испытуемые затруднялись это сделать. Например, когда я спросил у испытуемого (курящего): «А что такое “курить”?», то он начал вспоминать осеннюю поездку «на картошку» (осеннее полевые работы), куда направляли в советское время студентов в помощь селу. «Там были мужики, пояснил он, которые, чего-то жевали и плевали. Наверное, это они курили». На просьбу представить табачный киоск и то, что там продается, испытуемый затруднился это сделать. «Газетный киоск могу представить, овощной могу, а табачный не получается. В ответ на прямое внушение экспериментатора: «Ты можешь это представить. Что же там продается? Испытуемый вспомнил о расческах, талончиках на бензин и т.п., но так и не вспомнил о сигаретах и табаке. После прямого обращения к нему с протянутой в руке сигаретой: «На! возьми сигарету», испытуемый впал в глубокий транс. Т.е. наблюдался тот же эффект вхождения в трансное состояние при не решаемых или парадоксальных ситуациях, используемых для наведения транса в НЛП (нейро-лингвистическом программировании), буддийских коанах, или (что исследовалось в докторской диссертации Н.Л. Мухелишвили) христианских притчах. Феномен генерализации запретной инструкции на объекты, семантически связанные с запретным, сходен с феноменом, лежащим в основе методики семантического радикала А.Р. Лурии и О.С. Виноградовой (1971), где генерализация оборонительной реакции на семантически связанные с подкрепляемым ударом электрического тока объектом (у Лурии и Виноградовой таким объектом было понятие — слово «скрипка»), позволяет выделить семантические поля некой содержательной области. По мысли А.Р. Лурии, процессы динамики, происходящие в этих семантических полях на основе семантических связей значений, и задают процесс мышления, осуществляемый на девяносто процентов на неосознаваемом уровне.

В процессе наших исследований влияния постгипнотической инструкции на картину мира испытуемого мы столкнулись в ходе проведения эксперимента с ярким индивидуальным случаем (case study). Мы с В.В. Кучеренко ставили эксперименты с использованием гипноза в зимней психологической школе, где студенты проводили свои зимние каникулы, отдыхая и работая вместе с преподавателями. Жили студенты по два человека в комнате, и, когда мы договорились с одним из студентов об участии в эксперименте, его сосед попросил разрешения присутствовать на сеансе и наблюдать происходящее. Дав согласие на присутствие этого студента в качестве наблюдателя, мы сделали его (дав в гипнозе соответствующую инструкцию испытуемому) «невидимым» для испытуемого. Эксперимент, где испытуемый в трансном состоянии заполнял матрицу данных, длился довольно долго, и студенту-наблюдателю надоело ждать. Решив, что раз он «невидимый», то может позволить себе заняться своими делами, не

мешая ходу эксперимента, он включил электробритву и стал бриться, готовясь к вечерней студенческой дискотеке. Наш испытуемый, дотоле спокойно заполнявший матрицу данных, буквально извелся. Он не мог понять источника этих дребезжащих звуков. Ведь сделав с помощью гипнотической инструкции его соседа «невидимым», мы не сделали его «неслышимым». Испытуемый сделал несколько полушагов к источнику звука. Сосед испуганно вскочил с кровати, где он сидел. Однако испытуемый не попытался пройти сквозь «невидимого» соседа. Он остановился в нескольких сантиметрах от него и вошел в более глубокое трансовое состояние, чем был до этого. Этот яркий случай заставил нас глубоко задуматься, что же видит испытуемый. Если бы он просто видел «запретного для видения» товарища, держащего в руках электробритву, то вряд ли бы ее звуки вызвали у него такое сильное недоумение. Но если он не видел соседа, то почему остановился и не попытался пройти сквозь него?

Анализ поведения испытуемых, которые «не видят» запрещенный объект, но обходят его, не «протыкают пальцем», указывая на другие предметы, позволил нам выдвинуть гипотезу о том, что испытуемые воспринимают «запрещенный» объект на уровне первой сигнальной системы, но не осознают его, так как у них заблокированы системы значений, связанные с запретной семантической областью. Они видят, но не осознают. Проведенный с испытуемым ассоциативный эксперимент на проблематику, связанную с запретной темой, показал, что из ассоциативного потока выпадают пласты лексики, непосредственно связанные со значением «запрещенного к видению» объекта. Так, при запрете «видеть сигареты» в ассоциативном эксперименте на тему «студенческая вечеринка» никто не вспомнил ассоциации, связанные с курением, в ассоциативном эксперименте на тему «зимняя прогулка» никто не назвал ассоциации, связанные с «запретным» объектом «лыжи». Гипнотическая инструкция как бы временно вырезала (или блокировала) из вербального сознания значения, семантически связанные с «запрещенным» объектом.

Психика живого организма устроена системно и иерархически. И работа более поздних эволюционных центров не отменяет, а дополняет работу эволюционно более ранних центров, где сами они надстраивается над более древними (Бернштейн, 1990). Как, например, протопатическая чувствительность пальца в экспериментах Д. Хебба (см.: Лурия, 1969) сохранялась при перерезании им у себя соответствующего нерва. При нарушении более поздней и тонкой нервной чувствительности оставалась в сохранности более древняя и менее дифференцированная протопатическая чувствительность.

По-видимому, аналогичные уровневые отношения присущи и механизму сознания. Можно смотреть, не осознавая, но при этом воспринимать нечто и быть готовым к некой поведенческой реакции на воспринятый объект. Это один уровень отражения (в данном случае этот термин вполне уместен). А можно и осознавать воспринимаемое, опосредуя его системой значений, включенной в целостный тезаурус языкового сознания. Это другой уровень. По мысли Л.С. Выготского, знаковая опосредованность, произвольность и осознанность тесно взаимосвязаны, и в его работах выступают фактически как разные аспекты единого процесса осознания. Так, в книге «Мышление и речь» Выготский принимает за критерий осознанности значения (понятия) способность испытуемого дать его определение — ввести анализируемое слово в систему отношений, в контекст других значений. Благодаря активации целостного языкового тезауруса

мы потенциально можем воспринимать (осознавать) объект на любую глубину сознания, доступную данной языковой культуре или, осуществляя анализ и синтез элементов образа, порождать образы фантазии (Чуприкова, 1985).

Идея знаковой опосредованности сознания восходит к Гегелю и может быть выражена следующим образом. В ощущении, переживании, эмоциях нет нейрологической расчлененности, нет объекта и субъекта, они слиты в едином переживании. Например, когда я провожу рукой по поверхности стола и чувствую ее гладкость, это одновременно и характеристика текстуры стола и мое переживание. И только тогда, когда я называю ощущение, эмоцию, переживание словом (в нашем случае словом «гладкое»), я совершаю процесс отчуждения, выраженного в знаковой форме переживания, от моей непосредственной чувственности. В этой противопоставленной, отчужденной от субъекта знаковой форме мое ощущение (переживание, эмоция) становится доступным коммуникации (как внешней, так и внутренней — автокоммуникации, по Бахтину) и тем самым — осознанным³.

Учитывая все вышесказанное, я считаю возможным дать рабочее определение сознания, хотя понимаю, что могу затронуть только один, пусть и важный аспект этой открытой, многомерной и сверхсложной системы. Под сознанием я понимаю процесс вторичного восприятия объекта в превращенной знаковой форме и введения соответствующего объекту значения в систему отношений с другими значениями языкового тезауруса. При этом чем в большее число связей и опосредований включается воспринимаемый объект-значение, тем выше его осознанность. Оговорюсь, что язык я понимаю в широком семиотическом аспекте, включая в него и язык символов, выразительных движений, мимику, ритуалы, архитектуру и пр., т.е. те формы иконических знаков, которые имеют устойчивое конвенциональное значение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абульханова-Славская К.А.* Сознание как жизненная способность личности // Психол. журн. 2009. № 1. С. 32—43.
- Акопов Г.В.* Проблема сознания в российской психологии. Отечественная платформа. Самара, 2006.
- Акопов Г.В.* Проблема сознания в современной психологии: зарубежные подходы. Самара, 2007.
- Аксенов Г.П.* Причина времени. М., 2001.
- Агафонов А.Ю.* Основы смысловой теории сознания. СПб., 2003.
- Аллахвердов В.М.* Сознание как парадокс. СПб., 2000.
- Аллахвердов В.М.* Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб., 2003.
- Аллахвердов В.М.* Блеск и нищета эмпирической психологии // Психология. Журн. ВШЭ. 2005. № 1. С. 44—65.
- Андреева Г.М.* Психология социального познания. М., 2005.
- Асмолов А.Г.* Культурно-историческая психология и конструирование миров. М., 1996.

³ Как показали многочисленные инициированные А.Н. Леонтьевым эксперименты В.В. Столина, А.Г. Логвиненко, А.А. Пузыря, В.Ф. Петренко по псевдоскопии и инверсии зрения, значения, опосредующие восприятия, непосредственно вплетены, задействованы в актуалгенез строящегося образа.

- Асмолов А.Г.* По ту сторону сознания: Методологические проблемы неклассической психологии. М., 2002.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М., 1995.
- Бернштейн Н.А.* Физиология движений и активность. М., 1990.
- Богданов В.А.* Фибры души. СПб., 2002.
- Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963.
- Борн М.* Основы теории относительности. М., 2000.
- Брутян Г.А.* О гипотезе Сэпира—Уорфа // *Вопр. философии.* 1973. № 3.
- Василюк Ф.Е.* Психология переживания. М., 1984.
- Василюк Ф.Е.* Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций // *Психол. журн.* 1995. Т. 16. № 3.
- Васильев С.А.* Философский анализ гипотезы лингвистической относительности. Киев, 1974.
- Величковский Б.М.* Когнитивная наука. Основы психологии познания: В 2 т. М., 2006.
- Вернадский В.И.* Живое вещество. М., 1978.
- Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1982—1984.
- Выготский Л.С.* Сознание как проблема психологии поведения // *Психология развития человека.* М., 2005.
- Гинзбург В.Л.* Предисловие редактора к статье М.Б. Менского «Концепция сознания в контексте квантовой механики» // *Успехи физических наук.* 2005. Т. 175. № 4. С. 414.
- Гегель Г.* Наука логики. СПб., 1997.
- Грегори Р.* Глаз и мозг. М., 1970.
- Гроф С.* Холотропное сознание. М., 2002.
- Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972.
- Давыдов В.В.* Виды обобщения в обучении. М., 1972.
- Джеймс У.* Воля к вере. М., 1997.
- Емельянова Т.П.* Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М., 2006.
- Зинченко В.П.* Миры сознания и структура сознания // *Вопр. психологии.* 1991. № 2. С. 15—36.
- Зинченко В.П.* Сознание как предмет и дело психологии. Самара, 2007.
- Знаков В.В.* Самосознание, самопонимание и понимающее себя бытие // *Методол. и истор. психол.* 2007а. № 3.
- Знаков В.В.* От исследований понимания субъектом мира к психологическому анализу понимающего себя бытия // *Психол. журн.* 2007б. № 6.
- Капра Ф.* Дао физики. М., 2008.
- Касавин И.Т.* Истина как норма. Истина как дескрипция. Истина, дескрипция и экспертиза. Словарная статья // *Новая философская энциклопедия.* М., 2001.
- Келли Дж.* Теория личности. Психология личностных конструкторов. СПб., 2000.
- Козлов В.В.* Сознание как предмет психологии // *Человеческий фактор. Социальный психолог.* 2005. № 2. С. 7—16.
- Козлов В.В., Майков В.В.* Трансперсональная психология: Истоки, история, современное состояние. М., 2004.
- Коул М., Скрибнер С.* Культура и мышление. М., 1977.
- Крик Ф.* Жизнь как она есть, ее зарождение и сущность. М., 2002.
- Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001.
- Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М., 1972.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
- Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб., 2000.
- Лурия А.Р.* Лекции по общей психологии. М., 1969.

- Лурия А.Р.* Психология как историческая наука. М., 1971.
- Лурия А.Р.* Язык и сознание. М., 1979.
- Лурия А.Р., Виноградова О.С.* Объективное исследование динамики семантических систем // Семантическая структура слова. М., 1971.
- Малинецкий Г.Г.* Синергетика, нелинейность и концепция Роджера Пенроуза. Предисловие к книге Р. Пенроуза «Новый ум короля». М., 2008.
- Маслоу А.* Невроз как неудача личностного роста // Психология личности. Хрестоматия / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузыря, А.А. Архангельской. М., 2008.
- Менский М.Б.* Концепция сознания в контексте квантовой механики // Успехи физических наук. 2005. Т. 175. № 4. С. 414—434.
- Менчио Каку.* Параллельные миры. Об устройстве мироздания, высших измерений и будущем Космоса. М., 2008.
- Минделл А.* Сновидение в бодрствовании. М., 2004.
- Микешина Л.А.* Эпистемология и когнитивная наука: базовые категории и принципы взаимодействия // Когнитивный подход: философия, когнитивная наука, когнитивные дисциплины. М., 2008.
- Московичи С.* Машина, творящая богов / Пер. с франц. М., 1998.
- Осгуд Ч., Сузи Дж., Танненбаум П.* Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам // Семиотика и искусствометрия / Под ред. Ю. Лотмана. М., 1972.
- Павлов И.П.* Полн. собр. соч.: В 6 т. М., 1951.
- Панов А.Д.* Универсальная эволюция и проблема поиска внеземного разума. М., 2007.
- Патнэм Х.* Разум. Истина. История. М., 2002.
- Пенроуз Р.* Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики. М., 2008.
- Петренко В.Ф.* Введение в экспериментальную психосемантику: Исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М., 1983.
- Петренко В.Ф.* Психосемантика сознания. М., 1988.
- Петренко В.Ф.* Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психол. журн. 2002. Т. 23. № 3. С. 113—121.
- Петренко В.Ф.* Теория отражения, конструктивизм и интуитивизм как методологические парадигмы психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Ярославль, 2005а. Т. 3. С. 291—307.
- Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. СПб., 2005б.
- Петренко В.Ф.* Психосемантика как направление конструктивизма в когнитивной психологии // Когнитивный подход: философия, когнитивная наука, когнитивные дисциплины. М., 2008. С. 435—463.
- Петренко В.Ф., Митина О.В.* Психосемантический анализ динамики общественного сознания. М., 1997.
- Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* История психологии: Учеб. пособие для высшей школы. М., 1994.
- Петровский В.А.* Логика «Я». М., 2008.
- Прибрам К.* Языки мозга. М., 1980.
- Поршнева Б.Ф.* Контрсуггестия и история: Элементарное социально-психологическое явление и его трансформации в развитии человечества // Поршнева Б.Ф. История и психология. М., 1971. С. 7—35.
- Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. М., 1997.
- Слобин Д., Грин Д.* Психоллингвистика. М., 1976.
- Степин В.С.* Теоретическое знание. М., 2000.
- Степин В.С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопр. философии. 2003. № 8. С. 5—17.
- Супрун А.П., Янова Н.Г., Носов К.А.* Метапсихология. М., 2007.

- Талбот М.* Голографическая модель Вселенной. М., 2008.
- Тарт Ч.* Измененные состояния сознания. М., 2003.
- Тойнби А. Дж.* Цивилизация перед судом истории. М., 2003.
- Трубников Н.Н.* Время человеческого бытия. М., 1987.
- Уилбер К.* Интегральная психология. М., 2004.
- Ульбина Е.В.* Психология обыденного сознания. М., 2008.
- Филмор Ч.* Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. М., 1981.
- Франкл В.* Десять тезисов о личности // Психология личности. Хрестоматия / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузыря, В.В. Архангельской. М., 2008.
- Фрейджер Р., Фейдимен Дж.* Большая книга психологии. Личность. Теории, упражнения, эксперименты. 6-е изд. СПб., 2008.
- Хант Г.* О природе сознания. М., 2004.
- Хинтиikka Я.* Логико-эпистемологические исследования. М., 1980.
- Чуприкова Н.И.* Психика и сознание как функция мозга. М., 1985.
- Шкуратов В.А.* Историческая психология. М., 1997.
- Шмелев А.Г.* Психодиагностика личностных черт. СПб., 2002.
- Шпенглер О.* Закат Европы. М., 2009.
- Юнг К.Г.* Синхроничность. М., 1997.
- Юнг К.Г.* Об энергетике души. М., 2008.
- Ярошевский М.Г.* История психологии. М., 1985.
- Chalmers D.J.* Facing up to the problem of consciousness // J. of Consciousness Studies. 1995. Vol. 2. N 3. P. 241—255.
- Dennet D.C.* Kinds of Minds: toward an understanding of consciousness. N.Y., 1996.
- Everett H.* «Relative state» formulation of quantum mechanics // Quantum theory and measurement / Ed. by J.A. Wheeler, W.H. Zurek. Princeton, NJ, 1983.
- Hameroff S.* Ultimate computing: Biomolecular consciousness and NanoTechnology (1987). Цит. по: Penrose R. Shadows of the Mind. Oxford, UK, 1994.
- Kelly G.A.* The theory of personality. The psychology of personal constructs. N.J., 1963.
- Schlitz M., Vieten C., Amorok T., Thurman R.* Living deeply // The art and science of transformation in everyday life. Oakland, CA, 2007.
- Searle J.R.* The mystery of consciousness. L., 1997.
- Velmans M.* Understanding consciousness. L., 2000.

Поступила в редакцию
18.02.10